

ЭЛИЗАБЕТ ХОЙТ

**Влюбиться
в дьявола**



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X70

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Elizabeth Hoyt
TO DESIRE A DEVIL

Перевод с английского *А. В. Мосейченко*

Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения Grand Central Publishing,
a division of Hachette Book Group, Inc. New York, NY, USA.
All rights reserved.

Хойт, Элизабет.

X70 Влюбиться в дьявола : [роман] / Элизабет Хойт ;
[перевод с английского А. Е. Мосейченко]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-188271-6

Рено Сент-Обен, молодой лорд Хоуп, считался погиб-
шим. Его возвращение в Лондон стало скандалом: вместо
изысканного наследника граф предстал перед обществом
дикарем, забывшим манеры и правила приличия...

Только Беатриса Корнинг видит за маской грубости
Хоупа все того же мальчика с портрета, в которого влюби-
лась много лет назад. Теперь, когда он стоит перед ней —
живой, опасный и чужой, — она решает бросить вызов
всему обществу. Беатриса готова стать его проводником
в мир света, но сможет ли нежность победить дикую натуру
человека, побывавшего на волосок от смерти?

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-188271-6
© Nancy M. Finney, 2009
© Перевод. А.В. Мосейченко, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Пролог

Однажды по стране, название которой неизвестно, брел воин — он возвращался домой с войны. Немало дорог он прошагал вместе со своими товарищами, но в конце концов пришло время расставаться. Их было четверо. На перекрестке каждый из мужчин пошел своим путем, и наш солдат тоже сделал выбор и двинулся в этом направлении, пока в его сапог не попал камешек. Воин присел, чтобы вытряхнуть камешек из сапога...

Теперь он был совсем один. Воин не спеша надел сапог, торопиться было некуда. Он сражался не один год, и дома его никто не ждал. Те, кого могло обрадовать его возвращение, давным-давно ушли в мир иной. А если кто-то еще и оставался в живых, то не было никакой уверенности в том, что они узнают его, — слишком долго он отсутствовал на родине. Впрочем, когда мужчина уходит воевать, домой он возвращается уже совсем другим человеком. Страх и смелость, желание выжить и гибель товарищей, необходимость убивать и накопившаяся безумная усталость — все вместе незаметно, исподволь меняло его, минуты складывались в часы, часы — в дни, дни — в месяцы и годы, и все это накапливалось до тех пор, пока не произошел качественный скачок и воин не переменился совершенно, точно так же, как изменились его прежние представления о добре и зле. Да, он уже был не тем, кем был раньше.

Воин сидел на придорожном камне, холодный ветер обдувал его лицо, а он все сидел и размышлял. Рядом с ним лежал большой и длинный меч, в честь которого его стали называть Лонгсуордом...

История Лонгсуорда

Глава 1

Меч у Лонгсуорда был необыкновенным. Он был тяжелым, холодным и разил как смерть, но слушался он только своего хозяина.

История Лонгсуорда

*Лондон, Англия
Октябрь 1765 года*

Среди самых скучных светских мероприятий званый чай с оттенком политического раута, пожалуй, одно из самых скучных. Хозяйка вечера часто испытывает тайное, но непреодолимое желание — пусть случится что угодно, только бы оживить атмосферу чайного вечера.

Впрочем, появление на вечере «мертвеца», нетвердой походкой вошедшего в зал, было слишком возбуждающим средством, во всяком случае, к такому выводу пришла Беатриса Корнинг.

Но до тех пор, пока в зал не ввалился шатающийся «мертвец», все шло по порядку. Иначе говоря, было, как всегда, невероятно скучно. Для чая Беатриса выбрала голубой зал, который был на самом деле почти синим. Такой унылый, спокойный, наводивший скуку оттенок. Белые пилястры выступали из стен, вздымая небольшие круглые капители до потолка. Вдоль всего зала повсюду стояли стулья и столы. Центр украшал круглый стол, на котором стояла ваза с поздними астрами. В качестве легкой закуски к чаю были тонко нарезанные ломтики хлеба с маслом и крохотные пирожные. Беатриса хотела включить в меню пирожные с малиновой начинкой, на-

деясь, что они своим цветом украсят чайное угощение, но дядя Реджи — для всех граф Бланшар — резко воспротивился такому излишеству.

Беатриса вздохнула. Дядюшка Реджи — милый славный старичок, он не любил тратить деньги и считал каждое пенни. Именно благодаря экономности дяди цвет вина, чрезмерно разбавляемого водой, достигал какого-то бледно-розового анемичного оттенка, а чай был таким светлым, что на дне каждой чашки можно было разглядеть изящную синюю пагоду. Она оглядела весь зал и на противоположной стороне увидела дядю, стоящего на толстых кривых ногах, с руками, упертыми в бока, о чем-то горячо спорящего с лордом Хасселторпом. Слава богу, он удерживался от пирожных. Беатриса внимательно следила еще и за тем, чтобы в пустеющий бокал дяди не подливали больше вина. В пылу спора дядя даже не заметил, как его парик сполз набок. Легкая улыбка мелькнула на губах Беатрисы: надо же так горячиться! Она знаком дала понять слуге, чтобы он взял ее тарелку, и начала медленно продвигаться через зал в сторону дяди, чтобы исправить небрежность в его туалете.

Не пройдя и четверти пути, она вдруг почувствовала, как кто-то ласково взял ее за локоть, и услышала тихий шепот:

— Только посмотри, как его светлость опять искусно притворяется вышедшей из себя треской.

Беатриса обернулась и увидела перед собой смеющиеся светло-карие глаза Лотти Грэм. Пухленькая темноволосая Лотти была не выше пяти футов. Глядя на ее круглое, наивное, усыпанное веснушками лицо, никак нельзя было поверить в то, что под такой непритязательной внешностью скрывается очень острый и наблюдательный ум.

— Он не похож на рыбу, — прошептала Беатриса и невольно оглянулась. Да, Лотти, как всегда, была совершенно права: когда герцог Листер сердился, он

действительно напоминал рыбу. — Но послушай, разве может треска сердиться?

— Еще как, — отвечала Лотти с таким видом, будто нисколько не сомневалась в своих словах. — Мне не нравится этот человек, я не скрываю этого, и его политические убеждения совершенно здесь ни при чем.

— Тише, — прошипела Беатриса.

Хотя они держались особняком, неподалеку от них стояла группа джентльменов, до которых легко могли долететь слова Лотти. Поскольку все собравшиеся в зале были твердыми тори, дамам следовало скрывать свои симпатии к вигам.

— Пустяки, Беатриса, — бросила, ничуть не испугавшись, Лотти. — Даже если один из этих благовоспитанных джентльменов услышит мои слова, никто из них не подумает, что в наших прелестных головках могут водиться какие-то мысли, да еще расходящиеся с их собственными.

— Даже если этот джентльмен — мистер Грэм?

Обе девушки сразу повернулись в одну сторону и посмотрели на красивого молодого человека в белоснежном парике, окруженного группой джентльменов. С раскрасневшимися щеками и блестящими глазами он живо и увлеченно о чем-то рассказывал своим слушателям.

— Особенно если Нейт, — хмуро заметила Лотти, мрачно глядя на своего мужа Нейтана Грэма.

Беатриса наклонилась к подруге:

— Мне казалось, что ты преуспела в том, чтобы привлечь его на нашу сторону.

— Увы, я заблуждалась, — вздохнула Лотти. — Нейт всегда идет туда, куда идут тори, и не важно, согласен он с ними или нет. Его твердость и верность напоминают синицу, которую несет сильный поток ветра. Нет, боюсь, он будет голосовать против законопроекта мистера Уитона, защищающего интересы солдат, уходящих в отставку из армии его величества.

Беатриса закусила губу. Несмотря на легкомысленный тон Лотти, она видела, как огорчена ее подруга.

— Прости, пожалуйста.

Лотти пожала плечами:

— Странно, но муж, который так легко поддается влиянию, вызывает лишь досаду и разочарование. Уж лучше бы он придерживался противоположных взглядов и горячо отстаивал их. Не кажется ли тебе это донкихотством?

— Напротив. — Беатриса взяла Лотти под руку. — Кроме того, я бы не спешила ставить крест на мистере Грэме. Он ведь любит тебя, и ты привязана к нему и прекрасно об этом знаешь.

— Конечно, знаю. — Лотти внимательно осмотрела поднос с розовыми пирожными, стоявший на ближнем столе. — Но именно поэтому все так печально.

Она взяла одно пирожное и откусила кусочек.

— М-м-м... на вкус они лучше, чем на вид.

— Лотти! — прыснула Беатриса, среагировав на шутку подруги.

— Но ведь правда, на вечерах у тори всегда такие крошечные пирожные, что порой не успеваешь понять, какой у них вкус. Зато у этих пирожных прекрасный запах розы. Ты не находишь?

Лотти взяла другое пирожное.

— Ты заметила, что парик у лорда Бланшара съехал набок?

— Да, заметила, — призналась Беатриса. — Я как раз направлялась к дяде, но ты меня остановила.

— М-м-м... ты должна поддержать старика, он в опасном положении.

Беатриса увидела, как герцог Листер присоединился к ее дяде и лорду Хасселторпу.

— Постараюсь, но сперва мне надо спасти если не самого дядю Реджи, то хотя бы его парик.

— Ты храбрая девочка, — улыбнулась Лотти. — А я пока останусь здесь и буду стеречь пирожные.

— Трусишка, — шепнула Беатриса.

Она изобразила улыбку и отправилась дальше через зал к тем, кто окружил дядю Реджи. Конечно, Лотти была права. Джентльмены, собиравшиеся в дядином салоне, играли ведущие роли в партии тори. Большинство из них занимали места в палате пэров, но были и рангом пониже, из палаты общин — например, такие, как муж Лотти, Грэм. О, как бы они раскипятились, узнав, что у нее есть какие-то свои убеждения, причем противоречившие взглядам дяди! Беатриса благоразумно держала свои убеждения при себе, однако вопрос о назначении особых пенсий для военных ветеранов был слишком важным, чтобы пренебрегать им. Беатриса своими глазами видела, как мучаются израненные солдаты, сколько лет они потом страдают, уже выйдя в отставку. Нельзя просто отмахнуться от всего этого...

Вдруг дверь в голубой зал распахнулась с такой силой, что даже стукнулась о стену. Все головы в зале одновременно повернулись ко входу. На пороге стоял мужчина, высокий и широкоплечий — его фигура почти полностью перекрывала дверной проем. На нем были кожаные, темного цвета штаны, ярко-синяя куртка и рубашка. Длинные спутанные черные волосы свисали за спиной, а вытянутое изможденное лицо заросло длинной бородой. Из одного уха свисал железный крест, а к поясу куртки был привязан какой-то веревкой огромный нож — без ножен.

Выглядел он так, будто заявился с того света.

— Что за черт? — удивился дядя Реджи.

Но незнакомец, не дав ему до конца выразить свое недоумение, глубоким хриплым голосом вдруг спросил по-французски:

— Где мой отец?

Задавая вопрос, он не отрываясь смотрел на Беатрису, будто в зале, кроме нее, никого не было. От смущения она застыла на месте, будто загипнотизированная его взглядом. Нет, это невозможно...

Не теряя времени, он твердыми, решительными шагами направился к ней.

— Я хочу немедленно видеть моего отца, — опять по-французски сказал он.

Расстояние между ними сокращалось буквально на глазах, он был уже почти рядом. Никто даже не предпринял попытки остановить его, а она от испуга забыла весь французский, который когда-то изучала в школе.

— Простите, но я не знаю...

Он стоял уже рядом с ней и протягивал к ней свои большие грубые руки. Беатриса отшатнулась назад, но это ее не спасло. Казалось, сам дьявол пришел за ней, в ее дом, моментально разрушив салонную скуку и покой чайного вечера.

Но тут незнакомец пошатнулся. Одной рукой он схватился за столик, будто стараясь удержать равновесие, но декоративный столик не был предназначен для такой цели. И в результате мужчина рухнул на пол, а столик перевернулся. Ваза с цветами упала и разбилась, усыпав пол осколками стекла, поломанными цветами и залив все вокруг водой. Он не сводил с нее злого взгляда, вдруг глаза его закатились и он потерял сознание.

Послышались чьи-то крики.

— Боже мой, Беатриса! С вами все в порядке, моя дорогая? Где дворецкий, где его только носит? — раздался голос дяди над Беатрисой, уже стоявшей на коленях возле упавшего и нисколько не обращавшей внимания на лужу воды. Она робко коснулась его губ и почувствовала, что он дышит. Слава богу, жив! Она пригладила пальцами его бороду и чуть отвела ее в сторону, чтобы лучше разглядеть лицо.

Но вдруг она замерла. На лице лежавшего мужчины, прямо над его правым глазом Беатриса увидела странную татуировку — три дикие, яростные на вид степные птицы. Его черные глаза, так поразившие ее своей дер-

зостью, были закрыты, но под густыми нахмуренными бровями как будто скрывалось неодобрение. Неопрятная борода длиной не меньше двух дюймов, как ни странно, подчеркивала чувственный изгиб его твердо очерченных губ.

— Моя дорогая, прошу, держись подальше от этого... недоразумения, — сказал дядя Реджи. Он коснулся рукой ее плеча, побуждая встать на ноги. — Слуги не могут вынести тело из дома, поскольку вы им мешаете.

— Ни в коем случае не следует этого делать, — возразила Беатриса, по-прежнему с интересом разглядывая лицо потерявшего сознание незнакомца.

— Моя дорогая девочка, разве...

Она подняла лицо. Какой у нее все-таки милый и чудесный дядя, хотя от раздражения он весь побагровел! Но то, что она собиралась сказать, могло убить его наповал, да и ее тоже. Она просто не представляла себе, какие будут последствия.

— Это виконт Хоуп.

Дядя Реджи удивленно заморгал:

— Что?

— Это виконт Хоуп.

Дядя и племянница вместе обернулись и взглянули на портрет возле входа: на них смотрел молодой красивый человек, бывший владелец графского поместья. После его смерти наследником стал дядя Реджи, принявший титул графа Бланшара. Молодой человек на портрете был темноволосым, с выразительными глазами, полуприкрытыми тяжелыми веками.

Беатриса перевела взгляд на лежавшего мужчину. Его глаза были закрыты, но она хорошо запомнила их цвет и выражение. Темные, искрящиеся от злости, они были практически точной копией глаз человека, изображенного на портрете. Беатрису охватил ужас. Ее сердце сжалось.

Рено Сент-Обен, виконт Хоуп, настоящий граф Бланшар, ожил.

Ричард Мэддок, лорд Хасселторп, молча следил за тем, как слуги его друга, графа Бланшара, подняли потерявшего сознание лунатика, непонятно каким образом оказавшегося в гостиной. Как незнакомец мог незамеченным пройти мимо дворецкого и лакеев в прихожей — это была загадка. Графу-хозяину следовало проявлять большую осторожность и принять соответствующие меры безопасности, ведь в его гостиной собрались лучшие представители партии тори — можно сказать, самая элита.

— Черт бы побрал этого идиота! — Мэддок услышал за спиной бурчание герцога Листера, который практически высказал вслух его собственные мысли. — Если в дом могут попасть все, кому не лень, то Бланшару следует принять срочные меры и нанять дополнительную охрану.

Лорд Хасселторп произнес что-то одобрителное и с отвращением сделал большой глоток разбавленного водой вина. Между тем слуги со своей ношей уже почти подошли к выходу. Граф с племянницей, тихо переговариваясь, шли вслед за ними. Бланшар бросил в сторону лорда и герцога осуждающий взгляд, и Хасселторп неодобрительно покачал головой. Граф торопливо отвел глаза в сторону. Да, положение Бланшара в партии тори было очень важным, однако политическое влияние Хасселторпа было намного выше, и он, не задумываясь, как только возникала в этом малейшая необходимость, пользовался этим. Однако Бланшар и герцог Листер были его верными союзниками, твердой опорой в парламенте. И Хасселторп уже начал присматриваться к месту премьер-министра, которое надеялся получить в следующем году, воспользовавшись мощной поддержкой таких видных деятелей тори, как Листер и Бланшар.

Если, конечно, его планы что-нибудь не нарушит.

Наконец маленькая процессия покинула зал, и Хасселторп хмурым взглядом посмотрел на присутствующих. Люди, ближе всего стоявшие к месту падения

незнакомца, собрались в небольшие группы и возбужденно переговаривались между собой. Произошедшее событие вызывало нездоровый интерес. И в воздухе витало лихорадочное волнение, постепенно охватившее всех собравшихся гостей. На лицах многих джентльменов отражалось удивление. Они собирались в плотные группы и шептались между собой, как заговорщики, почти касаясь друг друга париками.

В центре одной из таких групп оказался Нейтан Грэм. Его недавно избрали в палату общин. Полный амбиций, он владел большим состоянием, которое лишь укрепляло его положение. Кроме того, он был хорошим оратором и считался многообещающим молодым политиком, умевшим добиваться своего.

Грэм вышел из своего кружка и направился к Хасселторпу и Листеру, стоявшим в углу зала.

— Говорят, что это не кто иной, как виконт Хоуп.

Хасселторп заморгал, не понимая, о ком идет речь:

— Кто-кто?

— Тот, кто упал здесь. — Грэм указал рукой на место, где горничная вытирала пол и подбирала осколки вазы.

Когда до Хасселторпа дошел смысл сказанного Грэмом, он остолбенел от изумления.

— Это невозможно, — буркнул Листер. — Хоуп умер семь лет назад.

— А с какой стати они решили, что он Хоуп? — вкрадчиво спросил Хасселторп.

Грэм пожал плечами:

— Говорят о явном сходстве, сэр. Я стоял настолько близко, что смог разглядеть лицо ворвавшегося в зал человека. Такие глаза, как у него... Их невозможно спутать. Удивительные глаза.

— Хм... глаза?! Какими бы ни были его глаза, но это не может быть доказательством того, что мертвый человек восстал из гроба, — веско рубанул Листер.

Он стремился к тому, чтобы его слова прозвучали как можно внушительнее. Дородный, высокого роста, с со-

лидной осанкой, он обладал особым даром убеждать. Листер был одним из влиятельнейших лиц в Англии. К его мнению всегда прислушивались.

— Да, ваша светлость. — Грэм поклонился герцогу. — Но дело осложняется тем, что он спрашивал своего отца.

Тут все вдруг осознали, что находятся в Бланшархаусе.

— Чепуха какая-то, — как бы про себя заметил Листер, а потом чуть слышно добавил: — Но если это Хоуп, то Бланшар теряет свой титул.

Листер многозначительно посмотрел на Хасселторпа. Если Бланшар лишается графского титула, то автоматически вылетает из палаты лордов, и тогда они теряют очень важного союзника.

Хасселторп нахмурился и обернулся в сторону портрета во весь рост, висевшего возле дверей. На этом портрете Хоупу было лет двадцать, он выглядел юным и беззаботным. Художник изобразил улыбающегося розовощекого юношу, в черных глазах которого искрилась радость жизни. Если ворвавшийся в зал безумного вида человек был Хоупом, то сколько же страданий должно было выпасть на его долю, сколько же он всего перенес!

Хасселторп с мрачной ухмылкой опять повернулся к своим единомышленникам:

— Этот безумец не может занять место Бланшара. Вряд ли кто-нибудь сумеет доказать, что он Хоуп. Так что, считаю, нам нечего волноваться.

Хасселторп сделал глоток вина с невозмутимым и самоуверенным видом, хотя перед собой он не мог лукавить: да, волноваться не стоило, пока не стоило.

Четверо слуг с трудом поднимали наверх человека, похожего на виконта Хоупа. Задача была не из простых. Беатриса внимательно следила за тем, чтобы слуги бережно и осторожно выполняли свои обязанности. Она вместе с дядей шла следом, волнуясь, как бы они слу-

чайню не уронили и не ушибли виконта. Вопреки желанию дяди именно Беатриса настояла на том, чтобы потерявшего сознание мужчину поместили в одну из свободных спален. Дядя Реджи изначально был настроен решительно, он хотел даже приказать вынести этого человека на улицу и оставить его там. Беатриса поступила гораздо благоразумнее, причем не столько из-за христианского милосердия, сколько из-за элементарных соображений. Если это был лорд Хоуп, то вряд ли от него можно было избавиться, просто выбросив его на улицу.

Слуги кое-как пронесли свою ношу через холл. С годами Хоуп заметно похудел, но оставался таким же высоким, каким был прежде. На взгляд Беатрисы, в нем было более шести футов. Она поежилась: какой здоровенный! К счастью, он так и не пришел в сознание. В противном случае слугам вряд ли удалось бы донести его до спальни.

— Виконт Хоуп мертв, — шептал под нос дядя Реджи, идя рядом с племянницей. Голос его звучал неуверенно, будто он старался убедить в этом самого себя. — Он же скончался семь лет назад!

— Дядя, пожалуйста, не раздражайтесь и не сердитесь, вам вредно волноваться, — с тревогой взмолилась Беатриса. Граф Бланшар терпеть не мог, когда ему напоминали о его болезни, но после приступа апоплексии, который он перенес в прошлом месяце, Беатриса не могла не уделять ему особого внимания. — Не забывайте, о чем вас предупреждал врач.

— Ой-ой-ой! Я совершенно здоров. Забудьте, о чем болтал лекарь, его и врачом-то не назовешь, — с вызовом ответил дядя. — Я знаю, моя дорогая, что у вас доброе сердце, но этот мужчина точно не Хоуп. Три человека клялись, что видели его мертвым и что убили его дикари в какой-то из североамериканских колоний. Причем одним из свидетелей якобы был сам виконт Вейл, друг детства виконта Хоупа!

— Ну что ж, похоже, что они ошиблись, — мягко возразила Беатриса.

Она нахмурилась, заметив, с каким трудом запыхавшиеся от тяжести слуги поднимают бесчувственное тело по темной дубовой лестнице. Все спальни располагались на третьем этаже.

— Аккуратнее держите его голову.

— Хорошо, мисс, — ответил Джордж, старший среди слуг и по своему положению, и по возрасту.

— Если перед нами Хоуп, то он просто повредился в уме, — вспыхнул дядя Реджи, когда они проходили по лестничной площадке. — Подумать только, он бредил по-французски! А что касается его отца, то я твердо знаю, что тот скончался пять лет назад. Я лично присутствовал на его похоронах. Вы меня не убедите в том, что старый граф жив. Дудки!

— Да, дядя, — тихо ответила Беатриса. — Но я думаю, что виконт просто не знает о смерти своего отца.

На душе у нее было тревожно, она искренне переживала за виконта. Но где же все эти годы находился лорд Хоуп? Откуда у него взялась эта странная татуировка? И почему он ничего не знает о смерти отца? Господи, может быть, его дядя прав?! Может быть, виконт спятил?

Дядя Реджи говорил, и его слова только усиливали ее сомнения.

— Человек явно душевнобольной, это ясно как день. Бредит. Агрессивен. Ведь он почти напал на вас. Дорогая, может, вам стоит пойти прилечь? А я велю послать за лимонными сладостями, которые вы так любите, хотя это и дорогое удовольствие.

— Вы крайне добры, дядюшка. Но он не успел причинить мне никакого зла, — смутилась Беатриса.

— Судя по всему, у него не было недостатка в желании обидеть вас!

Дядя Реджи с явным неудовольствием наблюдал, как слуги из последних сил втаскивают виконта в розовую